

Мои учителя были Козинцев и Эйзенштейн

Каме. проба. - 1998. - 7 апреля. - с. 5.

Итальянского режиссера Тинто Брасса знают у нас и стар, и млад. Еще бы! Видеокассеты с его фильмами в любом киоске выделаются такими выразительными обложками. И НТВ некоторое время назад дважды прогнало по ночным телеэкранам ретроспективу его кинолент. Перед показом их вдумчиво пообредали, но это не спасло кино от всплеска депутатских эмоций: работа в Госдуме в те дни шла с трудом. Споры об эротике и «порнушке» возникают там и до сих пор.

Впрочем, сам Брасс считает, что назвать его творчество порнографическим было бы кощунством. Свой жанр в кино он определяет, как чувственный импрессионизм.

Кстати, скоро он сам приедет в Россию представлять свою новую картину «Монелла». А пока он отвечает на вопросы нашего корреспондента...

Я учил монтажу студентов ВГИКа

- Сколько фильмов вы сняли, господин Брасс?

- Двадцать три. «Монелла» - 23-й.

- Когда началась ваша кинематографическая карьера?

- В таких случаях я обычно отвечаю, что уже из чрева собственной матери я вылез с кинокамерой. Ну а если серьезно, то профессиональную подготовку я прошел в Париже, стажировался три года в Национальной кинематеке. До этого, правда, зачем-то окончил юрфак университета.

В кинематеке я смотрел по шесть фильмов в день, часами просиживал в фото- и киноархивах, в отделе, где хранятся сценарии. А учителями моими стали Козинцев, Трауберг, Эйзенштейн, благодаря которым я постиг грамматику кино.

- А с какими режиссерами вам довелось поработать?

Первым режиссером, с которым я прошел азы документалистики, был голландец Йорис Ивенса. С ним, например, мы сделали неплохой документальный фильм о Марке Шагале. Именно Ивенса научил меня искусству монтажа. До сих пор я всегда монтирую все свои фильмы сам. В отличие от съемочной площадки, где ты зависишь от погоды, настроения актеров и тысячи других факторов, в монтажной - ты властелин, можешь переделать весь фильм заново. Помню, как-то после фестиваля в Анапе меня даже пригласили в Москву во ВГИК, где я дал урок именно монтажа, что в общем-то лестно для меня.

Ну а потом я долго работал ассистентом режиссера у Росселлини.

- И когда же вы увлеклись эротическим кино?

- С 83-го года, с фильма «Ключ», где замечательно сыграла Стефания Сандрелли.

- Что, простите за прямолинейность, отличает ваши работы от порнофильмов?

- Разная стилистика и средства выражения. В порно просто ставят камеру между ног актрисы и шарашат все крупным планом. Скучно.

Моя специализация - чувство и чувственность, в том числе и в области секса. А техника - импрессионизм, цепь зрительных образов, ситуаций и ассоциаций, вовлекающих зрителя в процесс мирозерцания через

эротические образы. В «Ключе» меня, например, интересовало соотношение между переходом через запретный барьер и невинностью.

- Говорят, с каждым годом у вас все больше живой натуры в откровенных сценах. Вам не кажется?

- Может быть. Я ведь не сексолог, меня, в крайнем случае, можно заподозрить в эротомании. Но я не располагаю сравнительной статистикой по количеству эрекции и оголенных грудей.

Задница отражает большую свободу, чем революция!

- И все же вас потянуло на «голое» уже в годы творческой зрелости. Может быть, сказывается ваш возраст?

- Нет, мне «это» нравилось всегда, но раньше я был одержим идеей переделать мир и занимался преимущественно политическим кино. В свое время достаточно много шума наделали мои анархические картины «Кто работает, тот пропал», «Крик», «Черное и белое». В них звучал призыв разрушить государство, ограничивающее свободу.

Я ведь из поколения шестидесятников. Во время событий 68-го года мне было 35 лет. В своих картинах я разрушал основы - семью, религию, церковь, конституцию, государство, за что мои фильмы цензурировались и даже запрещались. Мне довелось когда-то обрабатывать хронику событий в Германии, Чехословакии, России. Воплощение революционных идеалов тогда закончилось морем крови.

С годами я понял, что, ломая одну систему, мы заменяем ее другой, не менее репрессивной, так и не добиваясь иллюзорной свободы. Революционизировать себя надо внутренне - ломая привычные табу и пытаясь вернуться к своему естеству. В том числе и к сексу, составляющему неотъемлемую часть этой жизни.

Исследуя этот первоисточник всего - и добра, и зла, я продолжаю поиск абсолютной свободы. А кто сказал, что аппетитная женская задница, демонстрирующаяся в фильмах Брасса, в меньшей степени отражает эту свободу, чем все революции вместе взятые!

- Считается, что именно этот сексуальный объект чрезмерно фетишизируется в ваших фильмах. Но почему же все-таки «пухляя попка», а не «высокая грудь», например?

- Да я и сам иногда задумываюсь над этим.

Философия лицемерна, а страсть - никогда

- Какой фильм вы считаете самым значительным в своей режиссерской карьере? «Калигулу»?

- Правильнее было бы сказать - «следующий, который еще не снят». Но «Калигула» - мой настоящий «колоссаль», в нем снялись такие звезды, как Макдауэлл, Питер О'Тул, Джон Гилгуд... Амбиции насчет того, чтобы застрять в истории кино с каким-то одним фильмом, у меня нет. Иными словами, чем пролезать в историю «задним числом», по мне лучше присутствовать на экране со всеми снятыми мной «задницами».

- Кстати, «Калигула» был снят задолго до «Ключа», а в нем полно крутого секса.

- Но фильм-то о другом - о власти. А секс в древние времена был одним из средств ее осуществления и одним из ее атрибутов. После «Калигулы» я снял «Салон Китти», где тоже присутствует эротика, но к эротическому кино его отнести в полной мере нельзя. Скорее это один из срезов второй мировой войны.

- Вас иногда сравнивают с Феллини, с той разницей, что у него - философствование и духовность, а у вас - плоть и страсти. Что вы думаете по этому поводу?

- Интеллектуальное построение меня занимает куда меньше, чем мир чувств и невыдуманных страстей. В моей концепции все, что имеет происхождение от

Ответственный момент съемок: мастер кадрирует.

Ответственный момент кинопробы: мастер пальпирует.

природы, - хорошо и естественно. Все, что идет от культуры, которую превратили в чудовищную машину для ненормальных, - чаще всего лицемерно, фальшиво и извращенно. Мое видение секса как изумительного источника удовольствия и радости в корне отличается от того продукта, который преподносит сегодняшний кинематограф, где отношения полов - смесь стресса, неудовлетворенности, навязчивых идей и отклонений от нормы. Здесь я опять иду против течения.

Мой киноязык - самый универсальный

- Что вы думаете о фильме «Основной инстинкт»?

- Классический пример хорошо снятого фильма с красивой актрисой, в котором сексуальное влечение закодировано и запрятано. И только через криминальную канву, переходя преступный рубеж, герои могут насладиться запретным сексом. А он в фильме прочно привязан к их порочным наклонностям и извращениям. У меня же такого, слава Богу, не найдете никогда.

- Вы что, верующий?

- В принципе я крещен в католичество, но по сути - скорее атеист. Правда, с надеждой, что Бог простит мою настойчивую уверенность в том, что его нет.

- Насколько я помню, у вас с церковью всегда были неладья, и теперь возник конфликт из-за рекламного ролика последнего фильма «Монелла»...

- Да они раздули историю из ничего! Подумаешь, два молодых монаха обнюхивают седло велосипеда, на котором прокатилась 17-летняя героиня фильма Монелла. Что, монахи - не люди, что ли? Впрочем, скандалы всегда сопровождают мои начинания. Это нормально - способствует прокату. Хотя, видит Бог, не я его спровоцировал.

- Кстати, правда, что самый кассовый за последние годы в Италии фильм «Фейерверк» был продан за рубежом всего в одну

шту в голову, что девичья сексуальность с ее неиспорченностью может стать предметом киносюжета. К сожалению, закон запрещает снимать актрис моложе 18 в пикантных сценах, а то пригласил бы саму Лулу.

- Правда, что исполнительницу главной роли вы нашли, сбив ее мотоцикл?

- Ну, «сбил» - сильно сказано. В Неаполе всегда водоворот машин. Задел немного, мотоцикл грохнулся, она - вместе с ним. Юбочка короткая, задралась, оголила пару аппетитных ягодиц в белых трусиках. Познакомились, она меня узнала. Оказалось, начинающая актриса, которой уже 18 и которая мечтала сниматься. Пригласил на пробу. Проба оказалась неудачной, но у меня глаз наметан, я уже знал - это то, что мне надо. Теперь Анна Аммирати и стала знаменитой, как ее героиня Монелла.

- Вы всегда находите главных героев через случайное знакомство?

- Так бывает редко. Обычно объявления в газете, пробы, долгий отбор.

- И какой критерий - главный? Ведь, как я понимаю, просто красотищи-манекенщицы вам не нужны.

- Да уж, с Клаудией Шиффер мой фильм не снимешь. Те, кто приходит на пробы ко мне, уже в курсе, что надо быть готовой демонстрировать свои прелести. Вопрос в том, как. Должна присутствовать природная сексапильность.

У меня есть собственный тест, называется «монетка». Уже когда девушка стоит перед строгим жюри в «чем мать родила», председатель (то есть я) бросает монетку и предлагает максимально возможную градацию ее поднять, стоя спиной к жюри. Ошибаюсь я редко.

- Все звезды, которых открыли вы, потом успешно делали карьеру в кино. Кто из них сейчас продолжает сниматься?

- Да почти все. Франческа Деллера, Серена Гранди, Клаудия Коль, Катарина Валиссиса, Дебора Каприольо, Сильвана Маньяно. Кстати, в «Ключе» мне удалось снова запустить в большой кинематографе Сандрелли, которая со времен триумфа в «Разводе по-итальянски» была подзабыта.

Мне доводилось работать и со знаменитыми актрисами чисто драматического плана. С Ванессой Редгрейв мы сделали

шлого века уехала в Париж учиться да встретила моего деда - венгра Брасса. Они поженились, а позже перебрались в Венецию.

- А как у вас строятся личные отношения с вашими кинозвездами? Как они реагируют на, мягко говоря, фривольные прикосновения режиссера?

- Им нравится. На съемках мне приходится так часто пальпировать, что было бы глупо реагировать иначе. Должна родиться высокая степень доверия и близости, иначе фильм не снимешь. Ведь на доктора больные не обижаются, когда он к ним прикасается.

В идеале режиссер в нашем жанре должен относиться к гениталиям действующих лиц, как энтомолог к насекомым. Но мы же живые, и чувства тоже присутствуют.

- Сандрелли была так же благосклонна к вам?

- У нас сложился прекрасный «филлинг взаимопонимания», как я это определяю.

- А кто-то отказывался оголяться?

- На пробах в «Калигулу» Мария Шнейдер (та самая, из «Последнего танго в Париже») наотрез отказалась сниматься в сценах секса и обнаженной. Делать было нечего, ее заменили на Терриан Савой, которая с «Калигулой» и прославилась.

Правду о себе не мешает знать и церкви

- Вы женаты?

- Больше сорока лет. Жена работает пресс-секретарем. У нас прочный и счастливый брак.

- Вы верный муж?

- В смысле верности чувств - конечно. По-прежнему влюблен в свою жену. А в плане секса - нет. Пару-тройку раз доводилось изменять.

- А зачем вы лично появляетесь в своих фильмах в качестве какого-нибудь второстепенного персонажа?

- Это как бы авторская метка: я запускаю секс, но руку не отдериваю. Некоторые коллеги стесняются работать в этом жанре, меняют имя в титрах. А я открыто заявляю, что мне нравится этим заниматься.

- Кроме эротики, у вас есть какие-нибудь порочные увлечения?

- Я курю сигары, предпочитаю «Гавану» - лучше не бывает. Хотя есть претензии к Фидело - хуже стали сворачивать. Люблю выпить, особенно хорошего белого вина (отлеживает шампанское из бокала). Не чужд чревоугодию. Все люблю - и икру, и борщ.

- А прогулки, сельскую жизнь, природу?

- Нет, я - горожанин, без города себя не представляю. Даже во время отдыха.

- Когда вы в последний раз участвовали в кинофестивалях?

- На Берлинском когда-то мне прочили победу с «Криком», но все сорвалось из-за событий 68 - 69-х годов. А в 75-м я подъехал на Венецианский фестиваль, но меня не допустили: со мной в гонимые находились восемь моих актрис, совершенно раздетых. Словом, скандал.

- А «Оскара» не хочется?

- Нет, почему же, можно хотя бы попасть в номинацию, но для этого надо снять новый «колоссаль» типа «Калигулы».

- Так в чем же дело?

- Нужен серьезный спонсор, а это не так просто. У моих фильмов есть серьезный порок: «детям до 14 запрещено». Это значит, что телевизионный рынок для нас закрыт.

- А идеи есть?

- Есть. Хочу написать сценарий про потрясающего исторического персонажа - Папу Римского Александра VI со страшной фамилией Борджа. Во-первых, он был еврей из числа изгнанных из Испании. Во-вторых, он открыто декларировал, что не верит в Бога, каков - папа-то! В-третьих, он спал с собственной дочерью. В-четвертых, он собственноручно и заложил основы современного папства. Словом, пренебрежительный «колоссаль» можно было бы сделать.

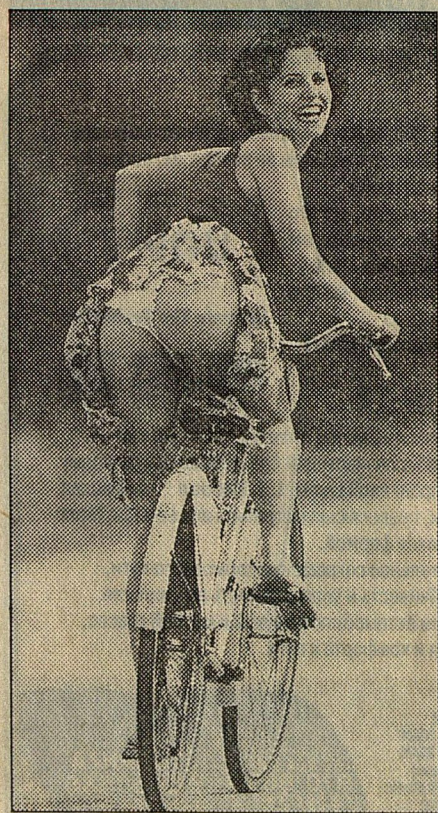
Другая идея - картина из жизни вашей царицы Екатерины II. Вопрос за малым.

- Не мешает ли вам с церковью?

- Меня и так чуть не отлучили, а то и хоронить бы пришлось без отпевания. А правду о себе и мире не помешало бы знать и церкви.

Олег ШЕВЦОВ.
(Наш соб. корр.).

Рим.
Фото G. SALIS.

Ответственный момент фильма: каждый кадр, как последний... Героиня фильма «Монелла».